

Виктор
КОРОТАЕВ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Братские могилы

На кручах, в парках,
у вокзалов...
Железом, кровью и золой
Судбина
Намертво связала
Солдат
С родимую землей.
Они ей жизнь завоевали -
Она покой сынов хранит.
Тогда они на ней стояли,
Теперь она на них стоит!

Счастлив я в своем добре
и хуе,
Потому что - с маковой
Кремля -
У меня была, и есть, и будет
Издавна родимая земля.
Вот она, моя березка детства,
Вот мои луга, река и лес...
Век смотри - и все
не наглядеться,
Век живи - и все не надоест.
Прославляя дедовские дали,
Не совру, свою жалея честь,
Будто ни тревог и ни печали
Отродясь не выдывал я здесь.
Но придет нужда родному
краю
Собирать сынов стальную
рать -
Я по крайней мере знал
и знаю,
За какую землю умирать.

Присмотришься - велик ли
мужичок.

Полметра на костюм,
Как говорится.
Ножонки врозь,
Головка на бочок.
Кажись, махны -
И свалишь рукавицей.
А две войны,
Три культа пережил,
Отсутствие и сахара,
И масла.
Познал режим,
И жим,
И пережим -
Все пережил - и нате!
не сломался.
А спросишь невзначай:
Мол, как же так!
Ведь все-таки
Концлагерь,
Шпрее,
Висла...
Он поглядит хитро:
"А ты, чудак,
Запомнил, что ли,
Где родился?..."

Страшно бывает заснуть.
Вновь,
Нависая над снами,
Опустошительный путь
С воем
Клубится за нами.
Что там взывает - тоска?
Или рыдает - измена?
Тянется шрам от виска
Вплоть до седьмого колена.
Пепел и стон
Над страной,
Дымное пекло
Восхода...
Валом
Война за войной -
Честь и проклятие

Рода.
Мерзлое тело
В петле,
Ворога
След на крыльчке.
Старые вои -
В земле,
Новые -
Грудой на печке.
Селы и озими -
В пух,
Гнилью
Несет от колодца.
Лишь не сгибается
Дух
И никогда
Не согнется.
В этом опора
И суть!
Но все равно -
Через вечер -
Страшно бывает заснуть

И просыпаться
Не легче.

Россия, белая от снега
И золотая от сосны...
Следы последнего набега
Уже как будто не видны.
А столько темной хмари было
И горькой мглы наволокло...
Но все лазурью затопило
И белым снегом замело.
И над раздольем звучной рани,
Легко катясь во все концы,
Звенят в серебряном тумане,
Быть может, счастья бубенцы;
И, замирая в зябких сенцах,
С особым вкусом,
Не спеша,
Любому звуку вторит сердце
И откликается душа.
КОНЪЮНКТУРШИКИ
Право, неистребимое племя...

И завидна
Служебная прыть.
Да к тому же удобно
Все время
Все пороки
На время
Валить.
Не прожили ни дня
Без обкома,
без горкома,
Без "кома" вообще,
Потому как ни Бога,
Ни Дома
Нет и не было
В вашей душе.
Может, вас и смущали
Сомненья
И не шибко прельщал
Коммунизм,
Но подняться
До личного мненья
Не рискнули
Ни разу за жизнь.
В изменившейся вдруг
Обстановке,
Не намерены двигаться
Вспять,
Вы, надеюсь,
Природной сноровке
Примененье
Найдете опять.
Потому что в любой
Заварушке,
Не меняясь в основе
Почти,
Крючкотворы,
Угодники,
Служки,
Как бессмертники,
Вечно в чести.

Жизнь давно на второй
половине.
Но, как школьник
Поплакать готов,
Не привыкну никак
К дисциплине
И режиму
Больших городов.
К беготне
По глухим учреждениям,
К жесткой воле

Трудящихся масс,
Слишком категоричным
Суждениям,
Толкотне
У прилавков и касс.
Все вращается
В гуле и поте,
Копит гроши,
Ссужает гроши,
Шибко много
Заботы о плоти,
Очень мало
Работы души.
Это что же,
Скажите на милость,
Между нами
Случилось-страслось?
Вроде вместе
В поход выходилось,
Почему же шагается
Врозь?
Это что ж вы надумали,
Братцы,
Неужели повертывать
Вспять.
Или вновь
За оружие браться,
Чтоб мужицкую кровь
Проливать?
Только кто вам сегодня
Позволит,
Чтоб Россия
Лежала в золе...
Есть, по счастью,
Народная воля -
С Богом в сердце
И корнем в земле!

Все еще на разум уповаю,
Все еще надеждами горю,
Но, с другими двигаюсь
по краю,
Сам себе
Все чаще
Говорю:
Не пекись
О суетном и зряшном,
И, сверяя с временем шаги,
Будь всегда
Открытым и бесстрашным...
Голову, однако,
Береги.
Не бойсь
Ни хвори,
Ни могилы
И, чертя над пропастью круги,
Не жалея
Ни времени,
Ни силы...
Голову, однако,
Береги.
В грянувшем бою,
В глухой осаде,
Как ни наседали бы враги,
Все снеси!
Но будущего ради
Голову
В порядке сбереги.
Только провокаторов
не слушай:
Мол, не стоит "кумпол"
ни гроша...
Голова
Поддерживает душу,
Потому и держится
Душа.

Стану думать о здоровье,
В меру есть
И в меру спать,
Молоко начну
Коровье
Вместо шнапсу
Покупать.
Не позволю сигареты,
Чтобы кашлять не пришлось.
Лучше буду есть
Конфеты:
Заработаю, небось...
А поскольку телом вызрел, -
Чтоб не вляпаться в беду,
К разным женщинам
На выстрел -
Пушечный -
Не подойду.
И выгуливать, наверно,
Сам себя
По два часа
Поклянусь
Ежевечерне,
Как породистого пса.
Духом свеж
И ликом светел,
Не горюя ни о ком,
Так и буду жить на свете.
Припеваючи при том.
Никаких речей о тризне!
Одолею боль и грусть.
Если вдруг
От этой жизни
Невзначай
Не удавлюсь...

«ГОДЫ ПРОЖИТЫ НЕ ЗРЯ...»

Исполнилось тридцать лет литературной деятельности поэта Виктора Коротаева. Сам он считает днем своего "литературного рождения" день приема его в члены Союза писателей страны. Это было 20 июня 1966 года. В связи с юбилеем мы задали Виктору Вениаминовичу несколько вопросов.

- Что подтолкнуло вас к поэтической деятельности? Мечталось ли в те годы "о подвигах, о доблестях, о славе", как говаривал Александр Блок?

- Нет, об этом тогда не думалось. Более того, после приема в Союз первым пришел меня поздравить В.И.Белов и сказал памятные слова: "Понимаешь ли ты, что это твое второе рождение?" Но даже и такого понимания тогда не было.

Было другое. Ведь первую книжку стихов я издал в 1962 году, мне было всего 23 года. Но уже тогда мы жили серьезной духовной жизнью и очень беспокоились о том, чтобы быть не глупее всех, чтобы душа твоя не была нищей, чтобы ты шел в ногу со временем.

- Серьезному отношению к жизни, вероятно, способствовали и окружающие. Не могло же оно родиться на пустом месте?

- Нас окружало старшее поколение, совсем иное, чем сейчас. Те люди прошли войну, мой отец две войны прошел. И хотя был простой шофер, но приветствовал мою заинтересованность в учебе, в поэзии. Я уже не говорю о матери Александре Александровне Хромовой. Она повторяла: "Ты не смотри, что мы бедно живем. Все равно мы тебя вырастим и выучим".

Многое дала и армия, куда меня призвали сразу после окончания пединститута. Служил больше двух лет, причем в Заполярье, в подземных

пунктах запуска ракет. Тогда не было даже мысли, что тебе за это должны платить. Наоборот, это мы должны были платить Родине, Отечеству. Дезертирство было презираемо всем народом, дезертира уже никто и никогда не стал бы считать полноценным человеком. Вот в такой обстановке мы и строили свой характер.

В 1965 году я вернулся со службы, и вскоре вышла моя вторая книжка "Мир, который люблю". По этой книжке меня и приняли в Союз писателей. Рекомендации дали А.Я.Яшин, С.В.Викулов, С.М.Марков, Сергей Орлов. Принят я был единогласно.

- За прошедшие тридцать лет у вас вышло более 20 книг стихов и прозы. Какая из них далась всего труднее?

- Легко не давалась ни одна. Я никогда не был легкокопишущим, хотя писал много. Больше всего пришлось работать над поэмами: "Липовица", "Одна", "Славянка". Поэмы, наверное, самый трудоемкий жанр. Попробовал свои силы и в драматургии. Одна из моих пьес - "Женская логика" - была поставлена на сцене Вологодского драматического театра.

- Много времени отнимает у вас и издательская деятельность...

- Да, особенно в последние годы. Я редактирую газету "Русский огонек", возглавляю издательство "Вестник", в котором вышли памятные для меня и, надеюсь, для читателей двухтомник Николая Рубцова, антология стихов о матери - "Мать", книга очерков Александра Романова "Искры памяти", сборник, посвященный В.С.Железняку "Сильнее судьбы" и другие.

- Что вас не устраивает в сегодняшней жизни?

- Барышничество. Причем гнусное, пошлое. Чему сейчас старшие учат своих детей? Схва-

тить где-то "лимон". Лучше - два. Обокради какую-нибудь старуху, займай лишние деньги и переиначь их так, чтобы процент у тебя был солидный.

Раздражает и то, что многие смотрят у нас на Запад, в частности, на Америку. Чуть ли не молятся на нее. И рождается неуважение к собственной нации, к собственной Родине. Это меня всегда бесило. Ведь далеко не все знают, что Америка начиналась с уголовщины. Еще тогда, при начале, выработался там свой стереотип мышления, своя мафия.

Вот и мы начинаем, забывая свою культуру, литературу, нравственность русскую, подражать западному стереотипу мышления. И что получается? Сегодня на всю страну показывают недоросля, восьмиклассника, который не знает ни строчки из Пушкина, Лермонтова, который считает, что Чехов - поэт...

Грустно все это...

- Тридцать лет в литературе дают право подвести какой-то предварительный итог качеству своей жизни. Что вы об этом думаете?

- Считаю, что годы эти все-таки прожиты не зря.

Интервью взял
Василий ЕЛЕСИН.

